

УДК 908

**«МЕЩАНЕ ВЕДЬ НИКОМУ НЕ МЕЩАЮТ...»: ОБ УПРАЗДНЕНИИ
МЕЩАНСКОГО СОСЛОВИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА****Белослудцева Владлена Викторовна,**Доцент, к.и.н, Пермский национальный государственный исследовательский университет
кафедра Междисциплинарных исторических исследований
belos777@mail.ru**Аннотация**

В статье рассмотрена проблема ухода с исторической арены основного городского сословия в России XIX – начала XX вв. – мещанского. С начала XX в. интеллигенция вела настоящую войну против «мещанства», обвиняя представителей данного сословия в мелочности, безвкусице, ограниченности и пр. Понятие «мещанство» стало нарицательным, но не имеющим непосредственного отношения к городскому сословию. Сам мещанин не только не стеснялся своего сословия, но гордился им, стремясь в условиях революции к объединению. В статье проанализированы архивные материалы о первом Всероссийском съезде представителей мещанских обществ (Москва, июнь 1917 г.).

Ключевые слова: мещанство, мещанское сословие, Пермская губерния, всероссийский мещанский съезд, мещанская управа.

**«PHILISTINES DON'T BOTHER ANYONE...»: ABOUT THE ABOLITION OF
THE PHILISTINE CLASS IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XX
CENTURY****Vladlena V. Belosludtseva**Perm National State Research University
Department of Interdisciplinary Historical Research
Docent, candidate of historical sciences
E-mail: belos777@mail.ru**ABSTRACT**

The article considers the problem of leaving the historical arena of the main urban estate in Russia of the XIX – early XX centuries – the bourgeoisie. Since the beginning of the twentieth century, the intelligentsia has waged a real war against "philistinism", accusing representatives of this class of pettiness, tastelessness, limitations, etc. The concept of "philistinism" has become a household name, but not directly related to the urban estate. The philistine himself was not only not ashamed of his class, but was proud of it, striving to unite in the conditions of the revolution. The article analyzes archival materials about the first All-Russian Congress of representatives of petty-bourgeois societies (Moscow, June 1917).

Keywords: philistinism, petty-bourgeois estate, Perm province, petty-bourgeois Congress, petty-bourgeois council.

«В советский период изучение феномена мещанства попало в разряд «неудобных» тем, – утверждал В.М. Бухараев, – дело не только и не столько в том, что мещанин в социальной классификации советского марксизма относился к «мелкой буржуазии» – источнике опасной для коммунизма ползучей частнособственнической «заразы». Фигура обывателя угрожала подорвать официальный миф о русском городе начала XX в., согласно которому на поле брани социальной сошлись главные городские силы – буржуазия и пролетариат» [1, с.20].

Российская интеллигенция – писатели, философы, поэты и политические деятели – в начале XX века на страницах своих произведений настоящую войну против «мещанства» и с проявлениями «мещанства». «Проблема мещанства стала одним из идейных узлов эпохи и притянула к себе большие интеллектуальные, творческие силы и страсти», – отмечала исследователь Е.П. Иваницкая [2, с.52]. На основе анализа произведений В. Асмуса, Н. Бердяева, А. Блока, А. Герцена, М. Горького, Ф. Достоевского, К. Леонтьева, Д. Мережковского и др. автор приходит к заключению, что «в начале нашего века совместными усилиями идейных противников было утверждено, что «мещанство – это нечто ужасное, хуже чего на свете не бывает», « мещанство, это все, что не «мы» и не «мое» и при том «сытое», «мещанство – это серость, срединность, благополучие, ограниченность, пошлость, мелочность и т.д.» [2, с.56]. При этом исследователь русского города XIX в. Л.В. Кошман, соглашаясь с экономистом В. Зомбартом, отмечала, что «критике подвергаются принципы, которым следовала буржуазия в период складывания ее как класса (умеренность и неприязнательность, экономность, стремление жить по средствам и не превышать доходы)» [3, с. 183].

Необходимо отметить, что такого рода нападки на «мещанство» зачастую не были связаны непосредственно с мещанским сословием, а использовались авторами в полемике друг с другом для обозначения чего то «сверхчуждого, сатанического, антижизненного» [4, с.310]. С другой стороны, в западноевропейских странах, прежде всего в Германии, Франции и Англии, – замечал исследователь мещанского сословия А.П. Каплуновский, – аналоги термина «мещанин» (petty bourgeoisie – англ.; petite bourgeoisie – франц.) являлись чисто теоретическими конструкциями, не связанными ни с одной конкретной социальной группой населения» [4, с.311].

Употребляя термины «мещанство» и «мещанский», российские интеллигенты неизбежно связывали его с доморощенными мещанами, уровнем их жизни, культуры, привычками и т.д. Подобные рассуждения были представлены, например, в работах Д.С. Мережковского, относящихся к 1905 г. В них литератор усматривал в мещанстве сосредоточие всего мирового зла – милитаризма, шовинизма, бескультурия и т.д. [5, с.43–45].

В начале XX в. мещанство постепенно уходило с исторической арены, уступало место пролетариату и все чаще именовалось «забытым сословием». Так в сентябре 1908 г. в газете «Московские ведомости» была опубликована статья, разъясняющая основные положения циркуляра МВД о праве предоставления городским мещанам кредитов из Крестьянского поземельного банка. Ее автор, К. Тур, писал, что «наше мещанство до сих пор являлось настоящим забытым сословием, представляло собою каких-то париев законодательства <...>. Начиная с 1889 года, на крестьян сыпался целый ряд законодательных преобразований <...>. В то же время о мещанстве не было сказано ни одного слова. Его

словно и не существовало, тогда как в действительности оно не менее крестьянства страдало от многочисленных язв и неустойчивости своего допотопного управления» [6, л.2].

Видный ученый, журналист и общественный деятель, выходец из мещан Н.П. Дружинин с горечью замечал, что многочисленные заметки, публиковавшиеся в газетах о мещанстве, мещанских собраниях носили чаще всего юмористический характер, репортеров привлекали присущие им беспорядки и скандалы. «Собрания эти были, правда, неприглядны сами по себе, – замечал автор, – но может быть, их изображали еще непригляднее, чем они были. Над ними смеялись. Участников мещанских собраний поучали, читали им нотации. Но редко кто давал себе труд – выяснить, почему же получались такие картины, не выражалось ли в них все убожество положения мещан и не возникал ли вопрос о необходимости обратить на "забытое сословие общественное внимание, вспомнить о нем» [7, с. 6]. По мнению историка А.П. Каплуновского, мещанское сословие представляло собой «некоего аутсайдера социальной и экономической жизни страны, мещане и их общины «были той рабочей лошадкой, которая тащила нелегкий воз многочисленных нужд государства» [4, с.312].

Сам мещанин не только не стеснялся своего сословия, но гордился им, стремясь в условиях революции к объединению и усилению. После издания Манифеста 17 октября 1905 г., среди представителей мещанских обществ возникла мысль о необходимости созыва всероссийского съезда. Одним из инициаторов созыва стал мещанин г. Валуека Воронежской губернии г. Ржевский. Он обратился с предложением к московскому мещанскому старосте, заручившись поддержкой пермского мещанского старосты А.П. Толянина. А.П. Толянин обратился по телеграфу в Министерство внутренних дел с ходатайством о разрешении съезда, в частности, о разрешении мещанам баллотироваться в Государственную Думу наравне с рабочими и крестьянами. Исследователь Е.Ю. Апкаримова утверждает, что «проект съезда был признан нецелесообразным, как и вопрос о праве мещан выбирать своих представителей в Думу по причине отсутствия особенных бытовых условий, резко выделяющих мещан в особый от остального населения класс» [8, с.22].

В это же время Главное управление по делам местного хозяйства при МВД составило законопроект об упразднении мещанских обществ и их управлений. Согласно данному документу (1906 г.) предлагалось: «существующие мещанские общества и их управления упразднить; лиц, принадлежащих к упраздняемым обществам, приписать к городам по принадлежности, под общим наименованием «горожан», с сохранением за ними и их потомством сословных прав, мещанскому сословию присвоенных; мещан (кроме евреев), постоянно проживающих вне пределов городского поселения и владеющих в месте их жительства землею и усадебною оседлостью, перечислить в крестьяне с припискою к волостям и с сохранением за ними их потомственных личных сословных прав, мещанскому сословию присвоенных; <...> имущества упраздняемых обществ и долговые права обратить в собственность подлежащих городов» [9, л. 8, 8 об].

Указанный законопроект не был утвержден, мещанское сословие продолжило свое официальное существование еще на десятилетие, а представители сословия вновь и вновь обращались к властям с просьбой разрешить всероссийский съезд для обсуждения насущных вопросов. Например, в 1906 г. смоленская мещанская управа обратилась к московской с просьбой возбудить вопрос об открытии съезда, который «урегулировал бы архаическое положение о мещанах, оставшееся почти без изменения со времен Екатерины II». С аналогичными предложениями обращались, например, екатеринодарский мещанский староста в 1909 г., представители московских мещан в 1910 г. и др. За короткое время запросы о съезде поступили от 83 мещанских обществ различных городов.

Наконец, были сделаны решительные шаги в данном направлении. В конце 1910 г. собрание выборных московского мещанского общества постановило: избрать комиссию для возбуждения перед правительством ходатайства о разрешении в Москве всероссийского съезда мещан для выяснения, главным образом, вопроса о желательности или нежелательности упразднения сословия. Съезд предполагалось созвать в Москве, в конце 1912 г., но он вновь не состоялся, так как «был признан ненужным» [9, л.16].

Судьба сословия достаточно широко обсуждалась в прессе. В заметках, посвященных данному вопросу, фигурировали разные точки зрения. Например, такие, что «мещанство представляет собой лишь одну декоративную форму, лишенную жизненного содержания» и все, что «связывает миллион мещан в сословие – это паспорт». Или «вопрос состоял не в том, чтобы оживить труп, вложить жизненное содержание в старую форму», речь шла «о полном упразднении мещанского сословия как пережитка дореформенного строя» [11]. Нужно признать, что значительное большинство мещан лишь числилось в мещанском сословии, фактически же принадлежало к другим классам и бытовым группам населения, совершенно не интересуясь делами мещанских обществ. Много негативных слов было направлено в адрес управ, которые «отжили свой век и совершенно бесполезны. Для лиц, имеющих несчастье быть приписанными к мещанскому сословию, существование мещанской управы является только лишним налоговым бременем» [11].

В апреле 1914 г. «Русское слово» предоставило свои страницы в качестве трибуны, дав возможность высказаться лицам, непосредственно заинтересованным.

«Упразднение сословия, во всяком случае, нежелательно, – считал, например, мещанский старшина И.Н. Анофриев, – мещане ведь никому не мешают. Они живут на свои средства. Ниоткуда ничего не получая, мещане призывают бедных членов своего общества и обучают детей-сирот». «Необходимы реформы, но только реформы, – доказывал товарищ мещанского старосты В.Г. Гринев, – что касается упразднения сословия, то скажу: мещанские общества за свое долголетнее существование собрали в своих руках движимые и недвижимые имущества. При упразднении сословия нас обидят. Поступят наши имущества в пользу города. А разве город будет призывать ...нетрудоспособных мещан, как делаем теперь мы сами?» «Невозможно упразднение мещанского сословия как коренного населения городов, – замечал член мещанской управы В.А. Злобин, – другие сословия представляют собою пришлый элемент города». «Упразднение мещанского сословия не должно быть допущено, – утверждал присяжный оценщик С.Е. Чушкин, – наши мещане – труженики. Свои имущества они приобрели своим трудом. А помогают не только своим, но до известной степени, и чужим. Посмотрите хотя бы на взаимоотношения купеческого сословия и нашего. Когда купец обанкротится, он приходит к нам и мы принимаем его со всей семьей». «Сословие наше забыто, с горечью констатировал товарищ председателя организационной комиссии С.И. Ярославцев, – даже реформы 1905 г. совершенно не коснулись его. Я оттеняю это обстоятельство потому, что ведь крестьянства то реформы в большинстве коснулись. А мещане, за исключением крупных центров, живут как крестьяне, – пашут землю, разрабатывают принадлежащие им леса, пользуются уловом рыбы и прочее» [9, л. 15].

В марте 1914 г. министр внутренних дел Н. Маклаков сообщал в письме московскому губернатору, что «озабочиваясь устройством быта и выяснением всех нужд мещанского сословия я <...> поручил Главному Управлению по делам местного хозяйства заняться вопросом об организации при Министерстве особого совещания для разработки всех вопросов, касающихся мещанского сословия, с тем, чтобы к участию в этом совещании были привлечены представители и от мещанских обществ Империи» [9, л. 23].

После многолетних усилий созыв всероссийского съезда представителей мещанских обществ был разрешен. Он состоялся с 15 по 20 июня 1917 г. в Москве. Общественность это

событие оставила без внимания, ему было посвящено несколько незначительных заметок в московских газетах, петроградская печать даже не упомянула о нем. В мае 1917 г. во все города и крупные поселки России были разсланы печатные приглашения, программа работ, правила съезда, а также анкета по вопросам, касающимся интересов мещанского сословия. Мещанские общества, участвующие в съезде должны были прислать в бюро съезда по 25 рублей на расходы по его организации.

Съезд был созван московской мещанской управой в лице мещанского старосты В.Г. Гринева и должен был составить важную страницу в истории развития мещанского самосознания. «Он мог бы получить и еще более значение, – отмечал Н.П. Дружинин, – если бы в его организации не оказалось слишком много существенных недостатков» [7, с. 11]. Например, приглашаемым делегатам предлагали заполнить анкету о положении местного мещанства. Сведения эти, как предполагалось, должны были быть разработаны, сведены воедино и предложены съезду в виде одного или нескольких докладов. Но как впоследствии оказалось, данным вопросом никто не занимался, и анкеты остались необработанными. Более того, организационный комитет даже не присутствовал на заседаниях съезда. Было много организационных недоработок. Например, на съезде не было даже карандашей и бумаги, только на третий день появилась кафедра и прочее. Заседания часто носили «крайне беспорядочный характер», время уходило на бесплодные пререкания членов съезда между собой и президиумом, в адрес последнего не раз раздавались даже оскорбления. В результате президиум на второй день даже снял с себя полномочия, часть членов уехала [7, с. 11]. От Пермской губернии на съезде присутствовали четверо делегатов: Яков Александрович Соснин (г. Пермь), Александр Александрович Шилоносков и Тимофей Иванович Бородулин (г. Кунгур), Николай Иванович Казин (г. Шадринск) [9, л. 28].

На обсуждение делегатам было предложено ряд вопросов [9, л. 39 об.-40 об.]:

Желательно ли сохранить мещанское сословие на будущее время, как таковое? (Заключение комиссии: нежелательно).

Если мещанское сословие переименуют в Учредительном собрании в граждан, то желательно ли, чтобы оно сохранило особое самоуправление? (Заключение комиссии: нежелательно).

Желательно ли, чтобы мещанское сословие было передано в ведение городского управления? (Заключение комиссии: управление должно быть общегородское, на основании всеобщего избирательного права. По анкетам – 30 (за), 79 (против)).

Впредь до упразднения мещанского сословия и уравнивания мещан в правах со всеми гражданами, следует ли сохранить отдельное мещанское управление? (Заключение комиссии: необходимо сохранить. Принято единогласно).

Если сословие мещан будет переименовано в граждан и будет передано в общее городское самоуправление, то как поступить с капиталами и имуществом мещанского общества? (Заключение комиссии: слияние капиталов и имущества мещанских обществ с городскими, на общих основаниях, установленных собранием. По анкетам – 65 (за), 35 (против)).

Следует ли учредить Всероссийский союз мещанских обществ? (Заключение комиссии: следует, но Союз должен существовать до решения вопроса о сословиях в Учредительном Собрании. По анкетам – 98 (за), 8 (против)).

Нужно ли учредить кассу взаимопомощи или банк и как учредить? (Заключение комиссии: необходимо учреждение общегородского банка, а также развитие кредитных товариществ и кооперативов. По анкетам – 89 (за), 8 (против)).

Какая форма будущего государственного управления является наиболее желательной? (Заключение комиссии: демократическая республика с однопалатной системой).

По вопросу, как организовать на местах? (Заключение комиссии: все мещане, проживающие в уездных городах и на территории уезда организуют уездный мещанский

союз. Делами союза ведает уездный исполнительный комитет мещанского союза. Число членов исполнительного комитета определяется на местах. Уездные и губернские союзы действуют в согласии с Всероссийским Союзом мещанских обществ, исполнительный комитет которого в Москве). Организация союзов на местах, как в городах, так и в посадах и местечках должна производиться на демократических началах.

В результате многодневной работы съезд принял два важных документа – Программу и Устав Всероссийского мещанского общества. Подобные акты в истории мещанского сословия были приняты впервые. В Программе ВСМО декларировалось, что он будет созываться «для обсуждения общих вопросов о положении мещанского общества, как коренных жителей городов и городских поселков и посадов, связанных с изменением преобразования государственного строя: о преобразовании мещанских обществ и о разработке их деятельности; об общественных недвижимых и движимых имуществах, капиталах, земельных угодиях и других имуществах; о пересмотре законоположений о мещанском установлении и инструкции, о выработке новых правил и законов по управлению общества и пользованию общественными капиталами и имуществами и пр.» [9, л. 27]. Устав Всероссийского Союза мещанских обществ, принятый 19 июня 1917 г., закрепил основные цели и задачи данной организации. В нем, в частности, говорилось, что цели Союза заключались в том, чтобы: «Объединить в одно целое все мещанские общества русского государства (впредь до упразднения сословий по постановлению Учредительного собрания), а через них и всех мещан, как для политических, так для правовых и экономических интересов всего мещанского сословия. <...> Всероссийский Союз, как отдельная юридическая единица, имел право заключать договоры, приобретать и продавать движимые и недвижимые имущества, защищать и искать по суду свои права, а равно и права членов Союза во всех государственных и общественных учреждениях, и вступать в Союз со всеми другими крупными организациями по постановлению общих собраний. <...> Членами Союза могли быть мещанские общества и союзы всех городов и поселков русского государства. Средства Союза складывались из единовременных взносов от мещанских обществ и других денежных поступлений, причем устанавливался размер единовременного членского взноса: для городов и поселков с общин населением до 5 тыс. – 20 рублей; с населением до 50 тыс. – 30 рублей; для городов с населением свыше 50 тыс. – 50 рублей. <..> Для ликвидации Союза требовалось постановление не менее, как 2/3 голосов из наличного числа явившихся на специально-ликвидационное собрание представителей от Членов Союза. При состоявшемся решении о ликвидации все имущество и денежные средства Союза должны поступить на благотворительные и просветительные цели, по усмотрению большинства представителей от Членов Ликвидационного собрания» [9, л. 38 об.-42 об].

Но время было упущено. К моменту созыва съезда в Москве многие мещанские общества на местах постепенно прекращали свое существование, создавались Ликвидационные комиссии, остатки средств передавались на нужды городов. Например, 30 апреля 1917 г. состоялось одно из последних собраний мещанского общества г. Екатеринбурга. На нем присутствовало 145 человек. Собрание открыл Председатель комиссии Ф.Д. Сушенцев, председателем собрания был избран Д.З.Галкин, товарищем Г.Д.Чернышев, секретарем Д.А.Киселев.

На собрании был заслушан отчет екатеринбургской мещанской управы о приходе и расходе денежных сумм за 1916 г., а также доклад Ликвидационной комиссии. Распределить требовалось следующие капиталы: продовольственный – 13 402 руб.37 коп., запасной – 12 047 руб. 45 коп., переходящие суммы - 1 841 руб. 16 коп. Общее собрание постановило: весь запасной капитал и переходящие суммы в размере 13 888 руб. 61 коп. передать екатеринбургской городской управе для дальнейшего распределения:

На дом Свободы – 1000 рублей;
Нуровскому детскому приюту – 500 рублей;
Детскому убежищу екатеринбургского Благотворительного общества – 500 рублей;
Обществу милосердия Св. Николая – 500 рублей;
На постройку колонии для сирот – детей воинов – 500 рублей;
Первому Высшему Начальному училищу – 500 рублей;
Второму Высшему Начальному училищу – 500 рублей;
Екатеринбургской торговой школе – 500 рублей;
Художественно-промышленной школе в Екатеринбурге – 500 рублей;
Уральскому обществу борьбы с детской смертностью – 500 рублей;
Начальникам народных училищ в г. Екатеринбурге – 2000 рублей;
Профессиональной школе – 500 рублей;
Екатеринбургскому родильному дому – 500 рублей;
На лечение больных бедных мещан – 700 рублей;
Екатеринбургскому Вольному пожарному обществу – 500 рублей;
Екатеринбургскому Городскому попечительству о бедных – 500 рублей.
Из ассигнований по утвержденной губернской Комиссией смете на 1917 г. должны были быть выполнены следующие расходы:
Екатеринбургской городской богадельне за содержание богадельщиков-мещан – 850 рублей;
Екатеринбургскому комитету по разбору и призрению нищих – 100 рублей;
На экстренную помощь бедным мещанам – 100 рублей;
Комитету Екатеринбургского благотворительного общества – 50 рублей;
На приют-колонию для детей воинов, павших в бою – 500 рублей;
Художественно-промышленной школе – 50 рублей;
Долгов мещанской управы по неоплаченным счетам – 150 рублей.
Оставшиеся средства планировалось использовать на текущие нужды: выдачу жалования служащим канцелярии управы, Ликвидационной комиссии и пр. Собрание предложило уполномочить Ликвидационную комиссию в числе не менее трех членов, продолжить свои труды по ликвидации и окончательной передаче дел, капиталов и имущества Екатеринбургской городской управы, составив надлежащие акты. Данные шаги свидетельствовали о полном прекращении деятельности екатеринбургской мещанской управы, которая, на протяжении многих десятилетий подобно управам по всей стране, заботилась о нуждах и благосостоянии своих подопечных [12, л. 17-20].
Взаимоотношения мещан и власти, мещан и государства являлись одной из важных характеристик для понимания состояния сословия на рубеже XIX – XX вв., его сознания и политической ориентации. «Мещанин был лишен важнейших характеристик гражданственности, – отмечал В.М. Бухараев, – свойственных представителям городских «средних слоев» Запада, таких, как расчет на собственные силы, отказ от социального иждивенчества и государственного патернализма, развитая трудовая этика, опора на полноценное самоуправление, терпимость, уход от конфликтов через согласование позиций, почитание законов, использование всех демократических свобод и т.п. Отсутствие данных социопсихологических качеств у российского мещанина было обусловлено крайне недостаточным развитием гражданского общества в России» [1, с. 31].
В начале XX в. отмечался процесс падения авторитета власти в глазах обывателей. События 1905 г, русско-японская война нашли непосредственное отражение на судьбах мещан и стимулировали рост социального недовольства в их среде. Однако в целом, как замечали исследователи, мещанство в целом оставалось аполитичным [1, с.32; 4, с. 309]. Но можно выделить особую группу мещан с антисистемным поведением. Она состояла в основном из

части пролетариев мещанского происхождения, которые были захвачены волной социалистической агитации и пытались распространять социалистические идеи в мещанской среде. Впрочем, как заметил В.М. Бухараев, - «эта группа не соответствовала «идеальному типу» мещанина, кроме того, была крайне малочисленной и все попытки агитации среди мещанства не достигали цели, если не считать, что заранее были обречены на провал» [1, с. 33].

Немногочисленные примеры антиправительственного поведения выходцев из мещан можно увидеть в ходе революционных событий 1905-1907 гг. на примере Перми. Так, в ходе октябрьских событий 1905 г. был задержан мастерской Пермских железнодорожных мастерских мещанин М.П. Туркин: В деле говорилось, что «во время патриотического шествия народа 23 октября в Мотовилихе с хоругвами, национальными флагами и портретом Государя Императора, на углу Большой и Томиловской ул. сын заводского рабочего Туркин (Александр) появившись впереди народа бросил в портрет государя грязью, что такой поступок вызвал в народе бурю негодования, народ бросился на Туркина с кулаками, тростями и кто-то топором в руках...» [13, л.2]. Из архивного дела об учительнице Волковой и мещанине Виноградове известно, что «в воскресенье 13 мая 1907 г. в лесу близ деревни Скомороховой состоялось общее собрание (противозаконное) лиц, именующих себя "Бобровский кружок социал-демократической партии пролетариата" для обсуждения противозаконных политических вопросов о общей программе действий к возбуждению населения к общему восстанию на предмет низвержения в России существующего государственного строя <...> В числе этих лиц находились: сын ирбитского мещанина Александра Николаева Виноградова – Сергей и др. <...> Вера Волкова, потом Сергей Виноградов говорили тогда один после другого, что Царя не надо, начальства никакого не нужно, будем выбирать сами начальство, солдат не надо совсем, податей платить не нужно» [14, л. 4,7].

В Пермскую губернию прибывали участники революционных партий с целью пропаганды и агитации. В том числе представители мещанского сословия. Например, из секретного письма, адресованного директору департамента полиции, стало известно, что в мае 1911 года в Пермь прибыла испытанная работница по Российской социал-демократической рабочей партии. Предполагалось, что с ее появлением возможно восстановление местной организации и новый толчок для революционной работы. Из протокола от 22 июня 1911 г. следовало, что Щепочкина Мария Андреевна, 26 лет, православная, из мещан, мещанка г. Глазова Вятской губ., с 5 мая 1911 г. живет в г. Перми, состоит ответственным редактором газеты «Пермский край». В результате обыска в доме Щепочкиной были обнаружены: «бессрочная паспортная книжка за № 203, выданная Глазовским мещанским старостой; книги «Теория и практика анархизма», «Доклад об объединительном съезде», «О России», «Эрфуртская программа», «Капитализм и земледелие», «Из истории общественных течений» и др.; альбом с открытками и карточками; пять записных книжек; пять фотографических карточек; личная переписка; одиннадцать почтовых расписок; прокламация «Российская социал-демократическая партия к товарищам большевикам»; вырезка из газет, начинающаяся словами «Суд над убийцами» и пр.». М.А. Щепочкина была заключена под стражу в Пермскую губернскую тюрьму и впоследствии отправлена этапным порядком в распоряжение Енисейского губернатора [15].

«В 1901 г. мещанское общество полностью утратило дисциплинарную власть над своими членами, – утверждал Б.Н. Миронов, – в итоге некогда сильное мещанское общество перестало выполнять жизненно важные функции. Таким образом, если сравнивать мещанское общество рубежа XIX – XX вв. с мещанским обществом рубежа XVIII - XIX вв., то по всем параметрам мы наблюдаем деградацию. В начале XX в., в особенности после

революции 1905–1907 гг., этот упадок еще более усилился вследствие того, что сословный строй быстро разрушался, появлялось много новых общественных организаций, профсоюзов, политических партий. Формально мещанские общества прекратили свое существование в конце 1917 – начале 1918 г. с отменой сословий и закрытием сословных организаций. Но эта смерть была тихой и закономерной. Не случайно попытки мещанских обществ после Февральской революции реорганизоваться и реанимироваться успеха не имели» [16, с. 508].

Список литературы:

1. Бухараев В.М. Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX века: между старым и новым // Социальная история 1997 г.: Ежегодник / ред. К.М. Андерсон, Л.И. Бородкин. М.: РОССПЭН, 1998. С.19–33.
2. Иваницкая Е.П. Парадокс о мещанстве (К проблеме этико-эстетических исканий серебряного века русской литературы) // Время Дягилева. Универсалии серебряного века. Третьи Дягилевские чтения. Материалы. Вып. 1, Пермь, 1993. С.52–58.
3. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М: РОССПЭН, 2008. 448 с.
4. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский и др. Ульяновск: Изд-во Средневолжского научного центра, 2000. 692 с.
5. Мережковский Д.С. Еще два слова о мещанстве // Новое время. 1994. № 51. С. 43–45.
6. Тур К. И. Циркуляр о забытом сословии [Рукопись]: статья с разъяснением циркуляра Министерства внутренних дел о праве предоставления городским мещанам кредитов из Крестьянского поземельного банка. [Б. м.], 1908. 5 л.
7. Дружинин Н.П. Мещанское движение 1906 –1917 гг. Ярославль: [Б.и.], 1917. 24 с.
8. Апкаримова Е.Ю. Сословные корпорации в городах Урала (конец XIX – начало XX в.). Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. 92 с.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1288. Описание 11. Д. 103. О разрешении созыва Всероссийского съезда представителей мещанских обществ в Москве (1914).
10. Петербургский курьер. 1914. 20 марта.
11. Новь. 1914. 29 янв.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1288. Описание 11. Д.15. По вопросу о дальнейшем существовании мещанских обществ и их управлении (1917).
13. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 162. Оп.1. Д. 59. Дело по обвинению мещанина Туркина М.П. в оскорблении императорской фамилии.
14. ГАПК. Ф. 162. Оп.1. Д. 100. Дознание о революционной деятельности учительницы Волковой В.В. и мещанина Виноградова С.А.
15. ГАПК. Ф.162. Оп.2. Д.147. Переписка с пермским губернатором, кунгурским уездным исправником и др. о лицах, подозреваемых в принадлежности к революционным партиям, политической благонадежности граждан и др.

16. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи: В 2 т. Т. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 548 с.

References:

1. Bukharaev V.M. Provincial philistine at the end of the XIX – beginning of the XX century: between the old and the new // Social History 1997: Yearbook / ed. K.M. Anderson, L.I. Borodkin. M.: ROSSPEN, 1998. pp.19–33.
2. Ivanitskaya E.P. The Paradox of philistinism (To the problem of ethics-aesthetic searches of the Silver Age of Russian literature) // Diaghilev's Time. Universals of the Silver Age. The third Diaghilev readings. Materials. Issue 1, Perm, 1993. pp.52-58.
3. Koshman L.V. The city and urban life in Russia of the XIX century: Social and cultural aspects. Moscow: ROSSPEN, 2008. 448 p.
4. Essays on urban life of the pre-revolutionary Volga region / A.N. Zorin, N.V. Zorin, A.P. Kaplunovsky, etc. Ulyanovsk: Publishing House of the Srednevolzhsky Scientific Center, 2000. 692 p .
5. Merezhevsky D.S. Two more words about philistinism // Novoye vremya. 1994. No. 51. pp. 43-45.
6. Tour K. I. Circular about the forgotten estate [Manuscript]: an article explaining the circular of the Ministry of Internal Affairs on the right to grant loans to urban burghers from the Peasant Land Bank. [B. M.], 1908.
7. Druzhinin N.P. The bourgeois movement of 1906 -1917. Yaroslavl: [B.I.], 1917. 24 p.
8. Apkarimova E.Y. Estate corporations in the cities of the Urals (late XIX – early XX century). Yekaterinburg: Bank of Cultural Information, 2004. 92 p .
9. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1288. Inventory 11. d. 103. On the permission to convene the All-Russian Congress of Representatives of Petty-bourgeois Societies in Moscow (1914).
10. Petersburg Courier. 1914. March 20
11. Nov. 1914. 29 Jan.
12. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1288. Inventory 11. D. 15. On the question of the further existence of petty-bourgeois societies and their management (1917).
13. The State Archive of the Perm Territory (GAPK). F. 162. Op.1. D. 59. The case on the charge of the petty-bourgeois Turkin M.P. of insulting the imperial family
14. GAPK. F. 162. Op.1. D. 100. Inquiry about the revolutionary activities of the teacher Volkova V.V. and the petty bourgeois Vinogradov S.A.
15. GAPK. F.162. Op.2. D.147. Correspondence with the Perm governor, Kungur district police officer, etc. about persons suspected of belonging to revolutionary parties, political reliability of citizens, etc.
16. Mironov B.N. Social history of Russia during the Empire period: In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg: "Dmitry Bulanin", 2003. 548 p.